

Сорок лет спустя: личность и история. Часть 2

| DOI: 10.31278/1810-6439-2025-23-2-189-206

Юрий Слёзкин, профессор докторантуры Калифорнийского университета в Беркли, старший научный сотрудник колледжа Святого-Эдмунд-Холл в Оксфордском университете, член Американской академии наук и искусств:

Экономика перестала быть экономной и всё больше зависела от импорта технологий; идеология перестала быть легитимной и превратилась в тень забытого пророчества; общество (согласно статистике алкоголизма, дедовщины и детской смертности, а также в отражении бесчисленных осенних марафонов) село в электричку и уехало в Петушки; отдельно взятые народы устали от дружбы и всерьёз задумались о вражде (или о дружбе с другими народами); работники умственного труда полюбили «потенциального противника» и перенесли карго-культ с недостижимого коммунизма на воображаемый Запад; а партийные вожди, пришедшие к власти после XX съезда, простудились и умерли, не оставив наследников.

Какие-то реформы произошли бы в любом случае; остальное было делом рук Горбачёва и толстовской «совокупности воль», когда «всякая отдельно взятая причина или целый ряд причин представляются нам одинаково справедливыми сами по себе, и одинаково ложными по своей ничтожности в сравнении с громадностью события».

Как бы ни сочетались силы и воли, трудно представить себе новых российских руководителей, которые не попробовали бы влиться в семью «нормальных» государств. Ещё труднее представить себе западные правительства, которым бы эта идея понравилась.

Фэн Шаолэй, руководитель Центра российских исследований в Восточно-Китайском педагогическом университете:

У китайцев сложилось два впечатления о Михаиле Горбачёве как о политики. **Первое:** невероятные усилия по восстановлению советско-китайских отношений. **Второе:** амбициозное стремление к всеобъемлющим реформам и улучшению отношений с Западом, что неожиданно привело к распаду Советского Союза. Конечно, не только китайцы продолжают размышлять о «феномене Горбачёва» и его исторических последствиях, поскольку он остаётся продуктом эпохи, тесно переплетённым с жизнью целого поколения.

Начнём с первого пункта. В начале 1980-х гг. Китай и СССР демонстрировали добрую волю и предлагали конкретные шаги для восстановления отношений. КНР в то время уже приступила к реформам и реализации политики открытости. В 1982 г. Дэн Сяопин выразил надежду, что Москва снизит напряжённость на советско-китайской границе. Горбачёв был одним из ключевых советских политиков, выступавших за восстановление отношений с Китаем. Он как-то заметил, что инерция конфронтации, копившаяся десятилетиями, лишила стороны возможности переломить ситуацию. Любой политик, дипломат или эксперт, который пытается хотя бы немного разрядить напряжение, тут же сталкивается с обвинениями в предательстве национальных интересов. Нужна сильная фигура «наверху», чтобы двигаться вперёд. Заняв руководящий пост, Горбачёв продолжал стремиться к улучшению советско-китайских отношений. 14 мая 1989 г., отправляясь в Пекин, он сказал своему окружению: «Мы должны вести себя как молодые активисты, навещающие старейшин». Спустя два дня он встретился с Дэн Сяопином. По мнению Цянь Цичэня, который отвечал тогда за внешнюю политику КНР, «историческая миссия Горбачёва в Пекине заслуживает самых ярких строк» в истории двусторонних отношений.

Если усилия Горбачёва по нормализации советско-китайских отношений позволили Пекину официальном вступить в новую эру дипломатии ключевых стран и получить широкое международное признание, то его всеобъемлющие внутренние реформы, начатые в 1985 г. и в конечном итоге приведшие к распаду СССР, вызвали яростные споры. Исторические данные показывают, что к концу 1970-х – началу 1980-х гг. все основные мировые державы признавали необходимость преобразований в целях развития и совершенствования

управления. Но почему реформы Горбачёва, которых так ждали, закончились прискорбным провалом? Стоит выделить несколько деталей.

Во-первых, в то время активно обсуждалась книга Горбачёва «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира». В ней была представлена концепция «общих интересов человечества», вдохновившая многих на реформы и политику открытости. Но, изучив книгу, я не нашёл одного важного пункта: мне хотелось узнать, как он планировал защитить национальные и этнические интересы СССР, одновременно продвигая глобальные интересы человечества.

На первый взгляд это ключевое различие между 1985-м и 2025-м годами. Сорок лет назад мир приветствовал глобализацию и универсальные ценности, в то время как сегодня тренд сменился на деглобализацию и приоритет национальных интересов. На самом деле баланс глобальных интересов с национальными и этническими требовался тогда, нужен он и сейчас, менялись только акценты. Для любого крупного государства, переживающего период трансформации, перекос в одну из сторон неизбежно ведёт к потрясениям. Эта тема до сих пор остаётся критически важной для размышлений.

Во-вторых, хотя Советский Союз всё ещё был цел и продолжал оказывать значительное влияние, особенно на близлежащие регионы, Горбачёв, прислушавшись к общественным настроениям, согласился на объединение Германии. Само по себе это не было проблемой. Но несмотря на устные заверения США и европейских лидеров, что «НАТО не будет расширяться на восток ни на дюйм», он не получил официальных письменных гарантий.

Эта оплошность в значительной степени привела к нынешней серии кровопролитных конфликтов в евразийском регионе. Размышляя о холодной войне, люди часто вспоминают эпоху активной конфронтации Востока и Запада. Но не менее важно и то, что на протяжении полувека Востоку и Западу удавалось поддерживать стабильность в Европе с помощью геополитических буферов. Память о том, что было прежде, проливает свет на процесс принятия решений сегодня.

Независимо от оценки горбачёвских реформ их опыт останется надолго. Последующие поколения могут относительно легко определять ошибки, приведшие к краху. Но для тех, кто непосредственно вовлечён в события, судить о возможных минусах и правильном балансе в режиме реального времени – чрезвычайно сложная задача.

Владимир Путин придерживается совершенно иных политических взглядов, чем Горбачёв. Однако в поздравительной телеграмме по случаю его

91-летия Путин отметил: «Вы прошли большой, насыщенный жизненный путь, по праву снискали высокий авторитет и признание. Отрадно, что сегодня ваша многогранная работа содействует реализации востребованных социальных, просветительских, благотворительных проектов, развитию международного гуманитарного сотрудничества». Не думаю, что позитивные высказывания Путина о бывшем советском лидере были исключительно проявлением вежливости. Ключевым элементом реформ, начатых в 1985 г., были усилия по прекращению конфронтации холодной войны, устраниению угрозы ядерного конфликта и демонтаж жёстко централизованной системы власти. Провал этих реформ не стоит объяснять ошибочностью изначальных намерений. К сожалению, Горбачёву не удалось найти путь к успешному достижению целей. Этот урок следует запомнить.

С другой стороны, атмосфера того времени тоже сыграла свою роль. Многие, преисполненные почти радикальной решимости, были готовы добиваться перемен, даже осознавая издержки. В результате, хотя холодная война закончилась, традиционные структуры демонтированы, а ядерное противостояние снизилось, остаётся вопрос: оправдывает ли достигнутый прогресс уплаченную цену и насколько устойчивыми оказались так называемые достижения? За прошедшие сорок лет мир кардинально изменил курс: от приоритета эффективности обратно к приоритету равенства, от глобализации – к национальным интересам и от мирного сосуществования – к враждебному мышлению. Учитывая эти сдвиги, возрождение консерватизма кажется неизбежным. Это бесценный урок того периода.

В конце 1980-х гг. Иммануил Валлерстайн предупреждал: «Мы являемся свидетелями периода, когда смыслы событий 1989 г. спешно и кардинально искаются». Он отмечал, что пока бывшие коммунистические страны быстро заменяют плановую экономику рынком, Запад ошибочно воспринимает это как победу вильсоновского либерализма и крах ленинизма. Валлерстайн предостерегает: окончание холодной войны и распад СССР одновременно означают и упадок американской гегемонии. По его логике, в начале XIX века Россия помогла британцам победить Францию, позволив Великобритании стать доминирующей глобальной державой. В XX веке Советский Союз помог американцам победить Германию, что обеспечило его собственное возвышение вместе с США. Поэтому крах СССР был не просто распадом одной империи, а результатом глубоких сдвигов в мировой системе. Более того, поскольку холодная война строилась на дихотомии Соединённых Штатов и Советского Союза, исчезновение одного означало, что другой больше не

может сохранять свою изначальную роль. Хотя распада США и не произошло, сегодня они явно прилагают огромные усилия, чтобы сохранить позицию гегемона. В то же время, хотя Советский Союз ушёл в небытие, Россия возрождается из пепла. Логика мировой системы Валлерстайна полностью не материализовалась, но его предупреждение не стоит забывать. Это третий важный урок эпохи Горбачёва.

На международной конференции в Стамбуле в конце 2011 г. мне выпала честь встретиться с Горбачёвым и провести долгую и незабываемую беседу. Он уже не был тем энергичным лидером, которого я каждый день видел по телевизору во время учёбы в Советском Союзе в середине 1980-х. Годы оставили свой след, он был склонен к глубокомыслию и рефлексии. Он говорил об одиночестве после смерти жены Раисы, мемуары, которые он мне подарил, назывались «Наедине с собой». Он по-прежнему был глубоко обеспокоен состоянием своей страны и ситуацией на Ближнем Востоке. Но прежде всего он неоднократно выражал восхищение Китаем и его достижениями. На конференции он несколько раз публично одобрительно высказался об успехах КНР в развитии и дипломатии.

«Несмотря на свои достижения, Китай остаётся скромным и осторожным», – сказал он. Особое впечатление произвела сохранившаяся привязанность Горбачёва к Китаю после единственного визита в 1989 году. «Как бы мне хотелось ещё раз приехать в Китай, вновь побывать в Пекине и Шанхае и своими глазами увидеть изменения, которые там произошли», – признался он. К сожалению, я не смог помочь ему осуществить это желание. Тем не менее я твёрдо уверен, что дружба и сотрудничество, которые он когда-то укреплял между двумя великими соседями, сохранится для будущих поколений.

Мохаммад Маранди, профессор Тегеранского университета:

Назначение Михаила Горбачёва генеральным секретарём ЦК КПСС стало поворотным моментом и ознаменовало начало преобразований в Советском Союзе и в мире. Хотя условия для изменений сложились давно, горбачёвские перестройка и гласность ускорили процесс и в конечном итоге привели к распаду страны. Реформы, основанные на новом политическом мышлении, были направлены на модернизацию советской системы и снижение напряжённости холодной войны. Однако их результаты оказались куда глубже, чем ожидалось, произошло переформатирование всей мировой гео-

политики. Сегодня эпоха Горбачёва вызывает вопрос: что было исторически неизбежно, а что пошло бы иначе при другом руководстве или принятии альтернативных решений?

В Иране реформы Горбачёва нашли отклик в политических кругах, поскольку концепции перестройки и открытости были знакомы стране после Исламской революции 1979 года. Хотя СССР воспринимали негативно, пребывание Горбачёва у власти способствовало постепенному улучшению советско-иранских отношений. Распад Советского Союза вызвал в Иране смешанные чувства. Большинство иранцев выступали против коммунистического правления, но было широко распространено мнение, что Соединённые Штаты используют перестройку и гласность для проникновения в страну и подрыва её изнутри. Такое восприятие усиливало опасения по поводу аналогичного вмешательства США в иранскую политику, что обусловило настороженное и часто критическое отношение к наследию Горбачёва.

Сегодня Горбачёва часто поминают в Иране в ходе политических дискуссий – в качестве предостережения. Если считается, что политик наивен в отношении Запада, его сравнивают с Горбачёвым. Распространены опасения, что реформы с благими целями могут непреднамеренно привести к ослаблению национального суверенитета из-за влияния поддерживаемых Западом акторов на гражданское общество и СМИ. Так отражается более глубокая обеспокоенность по поводу непредвиденных последствий политической открытости и реформ. В этом смысле эпоха Горбачёва оказала неоднозначное и длительное воздействие на иранский политический дискурс.

Роберт Легвальд, почетный профессор Колумбийского университета (США):

В марте 1986 г. мы с коллегой по Колумбийскому университету Северином Бялером организовали встречу ведущих советологов нашей страны, чтобы оценить произошедшее на XXVII съезде КПСС. По мнению большинства участников, Михаил Горбачёв осознавал растущее число неудач Советского Союза, включая кровоточащую рану Афганистана. Но они полагали, что его реакция будет ограничена сложившейся ситуацией. Самый смелый прогноз дал Джерри Хаф: по его мнению, Горбачёв мог стать новым Яношем Кадаром. Мы были не единственными, кто недооценивал Горбачёва и потенциал его исторических преобразований, – таких было немало и в СССР.

Но рассматривать эти исторические преобразования в перспективе сложно, потому что намеченные цели так и не были достигнуты, а постулаты, на которых они строились, оказались ошибочными. Возможно, именно поэтому оценки постфактум в основном сосредоточены на негативной стороне истории. Спустя сорок лет перемены, которые принесла эта историческая интерлюдия, практически исчезли, превратившись в подобие исторического же миража. Однако со временем историки, в том числе российские, начнут рассматривать семь лет пребывания Горбачёва у власти как один из самых ярких периодов в тысячелетней истории России, особенно если он окажется предвестником пути, на который страна когда-нибудь вернётся.

Если оценивать масштаб разрыва с тем, что существовало раньше, перемены, запущенные Горбачёвым, были экстраординарными. Он признавал, что с системой что-то в корне не так, ещё в 1983 г. в беседах с Александром Яковлевым в Канаде, где тот был послом СССР. Однако план преобразований формировался медленно. Кампания по ускорению 1986 г. ещё не стала перестройкой, это был первый шаг к освобождению экономики и общества от мёртвого груза закостенелой советской бюрократии. Импульс к полномасштабным реформам – перестройке – был более революционным. Горбачёв и его соратники-шестидесятники стремились вернуть советскую систему к тому, что считали ленинскими идеалами, к «социализму с человеческим лицом» – системе, открытой для демократии и уважения личности и базовых свобод.

Главная цель перестройки – восстановление жизнеспособности системы – оказалась её главной уязвимостью из-за неспособности увидеть, что система фатально порочна и её не спасти. Однако это не умаляет значение трансформации политической жизни. Эйфория освобождения от застоя и удушающего существования при предшественниках Горбачёва ощущалась в каждом новом проявлении свободы. Реакции аудитории на фильм Тенгиза Абуладзе «Покаяние» осенью 1986 г.; очередях в 5 утра по средам, чтобы успеть купить свежий номер «Московских новостей» и насладиться тем, что было похоже на свободу слова в уже неконтролируемой прессе; в том, что люди буквально прилипали к телезранам, чтобы следить за работой Съезда народных депутатов 1989 году. Но к 1990 г. эйфория стала проходить, потому что полки магазинов опустели, а готовность идти на следующие необходимые шаги экономической реформы иссякла. Тот факт, что стремление Горбачёва к экономическим преобразованиям (или способность их осуществлять) в конце концов натолкнулось на стену, не должен заслонять важнейшую перемену, которая произошла в те годы: у людей исчез страх. К 1987 г. и затем на протя-

жении пятнадцати лет после распада Советского Союза писатели, художники, журналисты, учёные, эксперты и даже политики высказывали своё мнение, действовали, исходя из своих убеждений, пытались организовать поддержку своих политических идей, не опасаясь последствий.

Разочаровывающая последняя глава этих семи лет также не должна умалять необычайный эффект от сочетания устремлений Горбачёва к переменам дома и его кардинально иного подхода к внешнему миру. Хотя в то время мало кто это признавал, решимость Горбачёва избавиться от оков закостенелой советской системы позволила ему терпимо относиться к свободе в других сферах – например, принять «свободу выбора», которую, как он заявил, должны иметь страны Восточной Европы. В однотипие он отбросил все оправдания советских вторжений 1956, 1968 гг. и менее решительного в 1979-м. Он сделал это, руководствуясь ошибочной параллелью, заложенной в основу перестройки, – открытие системы восстановит её легитимность. Тем не менее он это сделал.

Его идея «общеевропейского дома» тоже базировалась на заблуждении, что жизненно важные социалистические идеи могут сосуществовать с капиталистическими. Но здесь были зачатки и более масштабной модели преобразований. Вероятно, его замысел в чём-то похож на неудачные попытки построить евроатлантическое сообщество безопасности, о котором лидеры США, Европы и России регулярно говорили на протяжении двадцати лет после окончания холодной войны.

Однако фундаментальный разрыв с прошлым заключался в отказе от базового принципа советской внешней политики – «классового подхода» к внешнему миру. Как я писал в то время, Горбачёв «отбросил в сторону самую священную из советских внешнеполитических концепций – представление, что элементарная динамика международной политики заключается в напряжённости между двумя историческими социальными порядками: социализмом и капитализмом». Взамен он предложил идею универсальных ценностей и взаимозависимости наций.

Последствия этого исторического поворота кардинально изменили направление советской внешней политики. Советские вторжения в целях поддержки «национальных освободительных движений» прекратились, обширные обязательства по ведению борьбы в отдалённых регионах мира тоже остались в прошлом. Теперь приоритет был отдан коллективному реагированию на глобальные проблемы, а не угрозам со стороны потенциальных противников. Насилие перестало использоваться как инструмент

борьбы с недовольством внутри страны и метод сохранения контроля СССР над слабеющим Варшавским договором.

Самое главное, что высказанная Горбачёвым в конце 1985 г. идея, что национальная безопасность Советского Союза зависит от взаимной безопасности, задала принципиально иное направление развития советско-американских отношений.

В начале правления Горбачёва, предчувствуя, что новый советский лидер принесёт нечто новое, нью-йоркский фонд Корпорации Карнеги организовал конференции для американских сенаторов и членов палаты представителей (со временем они стали регулярными), чтобы обсудить перемены в СССР. Тогда многие парламентарии задавались вопросом: «В наших ли интересах, чтобы Горбачёв добился успеха?» Ведь тогда противник станет более мощным и опасным. Когда меня пригласили выступить, я подчеркнул, что всё зависит от того, как будет развиваться политика Советского Союза в отношении США в процессе преобразований.

Последовавшее «принципиально иное направление» изменило сценарий. Соединённые Штаты из врага превратились в желанного партнёра. Трудно представить, что Брежнев мог бы участвовать в саммите *G7*, а Горбачёв сделал это в июне 1991 г. и призвал оказать помощь, необходимую для создания рыночной экономики в Советском Союзе. Более того, Горбачёв, потрясённый чернобыльской катастрофой, присоединился к Рональду Рейгану в благородном, хотя и неправильно понятом стремлении снять вопрос ядерного оружия в двусторонних отношениях. Процесс контроля над ядерными вооружениями был запущен за шестнадцать лет до того, как Горбачёв пришёл к власти, но никогда раньше (и никогда больше) усилия не имели такого мощного импульса, который давала приверженность советского лидера своим идеям, пока все эти усилия не сошли на нет в наши дни.

В то время как Горбачёв вместе с Рейганом, а затем Джорджем Бушем-старшим постепенно растапливали лёд в некоторых сферах двусторонних отношений, сосредоточившись на расширении сотрудничества, возник новый и, к сожалению, недолговечный феномен. Они стали доверять друг другу. На конференции в Принстоне в 1996 г. Анатолий Черняев отмечал: «У меня есть записи, сделанные во время бесед Горбачёва с Бушем и Бейкером [на саммите на Мальте в 1989 г.], которые доказывают, что между ними действительно сложились хорошие личные отношения, что Горбачёв доверял этим людям. У меня складывалось впечатление, что это было взаимно». Спустя сорок лет доверие между лидерами России и США равно нулю.

Сейчас, сорок лет спустя, размышляя о наследии Горбачёва, многие соглашаются с утверждением литературоведа Юрия Лотмана, что в России самые радикальные перемены, вопреки своим внешним проявлениям, на самом деле укрепляют традиции общества, которое они призваны изменить. Но может быть, ещё через сорок лет это наследие получит более глубокий резонанс, который перевесит сожаления?

Александр Ракович, научный сотрудник Сербского института новейшей истории:

До окончания холодной войны граждане Советского Союза активно стремились к стандартам и предполагаемым гражданским свободам, которые предлагал Запад. Более того, в то время Запад имел гораздо более гуманное лицо, чем сейчас, поскольку два противоборствующих идеологических блока корректировали друг друга. Однако сразу после падения Берлинской стены Запад продемонстрировал совершенно иную, экспансионистскую политику в отношении Восточной Европы, намереваясь дотянуться до России и разбить её как минимум на три части. Борьба сербского народа против Запада и НАТО в 1990-е гг. предотвратила немедленную кампанию Запада против России, которая был несколько дезориентирована после самороспуска и распада СССР.

Оглядываясь назад, мы можем сказать, что перестройка была процессом, который должен был предоставить гражданам Советского Союза больше свобод изнутри и одновременно связать их с теми странами мира, которые раньше были «запретным плодом». Однако, анализируя события тех лет, мы можем ясно видеть, что перестройка оказалась наивной и ошибочной, она привела к саморазрушению Советского Союза и потере стены из стран, защищавшей Москву от западного империализма. Кроме того, перестройка привела к децентрализации и дроблению Русской православной церкви в соответствии с вновь установленными границами.

Распад советской империи, в которой выросло несколько поколений, неизбежно должен был привести к утрате уверенности россиян в себе и длительному поиску новой государственной опоры и фундамента. В то же время десятки миллионов русских остались за пределами Российской Федерации, и Россия не получила никаких гарантий их будущего. Сегодняшняя Россия пытается исправить эти печальные последствия перестройки.

Начало перестройки было встречено в социалистической Югославии с надеждой, что советский социализм, как и югославский, движется к открытию страны для мира. Оттепель в отношениях между Востоком и Западом также вполне устраивала Югославию. Однако по мере приближения конца единой Югославии сербам стало очевидно, что из-за перестройки и, как её следствия, распада Советского Союза Москва не сможет сосредоточиться на Балканах, и сербы останутся в одиночестве.

Сян Ланьсинь, приглашённый научный сотрудник Белферского центра Гарвардского университета, заслуженный научный сотрудник Центра Стимсона (США):

Политика Михаила Горбачёва, особенно перестройка, привела к нестабильности и в итоге распаду Советского Союза. Она отражала ошибочную веру, что окончание холодной войны сделает СССР снова великим. Но Горбачёв добровольно согласился с поражением в холодной войне, поэтому изначальное основание политического союза, которое зиждилось на доминировании конкретных этносов в разных республиках, вряд ли могло устоять. Что ещё важнее, у русских не было опыта управления государством, которое не является полиэтнической империей. Дин Ачесон критически оценил фундаментальную проблему, с которой столкнулась постимперская Британия в своём знаменитом высказывании: «Британия потеряла империю, но пока ещё не нашла для себя новую роль». Можно было бы сказать так: Россия потеряла империю и теперь должна научиться управлять Российским государством.

Неудивительно, что Владимир Путин называет катастрофой распад Советского Союза, который он связывает с неуверенным руководством. Для Путина геополитические последствия очевидны: Горбачёв ослабил россиян, уязвил их национальную гордость и подорвал авторитет России в мире. Он даже не наладил толком отношения с Западом, на что была нацелена перестройка, а его «общеевропейский дом» оказался фантазией и фикцией. Китайский лидер Си Цзиньпин полностью разделяет мнение Путина о Горбачёве, но идёт ещё дальше, называя крах советской коммунистической системы делом рук «кушки парней без яиц», имея в виду советское руководство при Горбачёве.

Гленн Дисэн, профессор Университета Юго-Восточной Норвегии:

Усилия Горбачёва по реформированию стагнирующего Советского Союза и прекращению конфронтационной блоковой политики были необходимы и достойны одобрения. Двухполюсная система борьбы за глобальное первенство, состоявшая из соперничающих военных блоков с несовместимыми идеологиями, неизбежно вела к чрезвычайно деструктивной политике с нулевой суммой. Однако желание идеалистов преодолеть силовую политику часто приводит к пренебрежению силой. Горбачёв вы-
свободил националистические импульсы, которые разрушили Советский Союз, и подорвал равновесие, необходимое для строительства «обще-европейского дома».

Когда присутствует баланс сил, борьба с нулевой суммой может быть заменена сотрудничеством для укрепления неделимой безопасности, потому что, если есть ожидание взаимности, признаются определённые ограничения. Односторонние уступки Горбачёва, ослабление и в конечном итоге распад Советского Союза нарушили баланс, а следовательно, и необходимость считаться с интересами Москвы. Иной исход был бы возможен, стройся идеализм Горбачёва на силовых реалиях. Завершение холодной войны односторонними уступками привело к капитуляции. В 1990 г. зам-министра обороны США Пол Вулфович отмечал: «С окончанием холодной войны мы можем безнаказанно использовать нашу армию. Советы не придут, чтобы нас заблокировать. У нас есть пять, может быть, десять лет, чтобы вычистить все эти старые советские суррогатные режимы, как в Ираке и Сирии, прежде чем появится следующая сверхдержава, которая бросит нам вызов».

Вместо сохранения паритета, необходимого для достижения обязывающих договорённостей по созданию инклюзивной европейской архитектуры безопасности, отсутствие стратегического баланса позволило Вашингтону строить новую Европу без России. Сейчас, когда НАТО себя исчерпала и появились новые центры, формируется новый баланс. России тоже следует учиться на ошибках оппонентов и стремиться построить Вестфальскую международную систему, основанную на балансе сил, чтобы смягчить соперничество в сфере безопасности, а не нанести поражение противникам.

Мартин Хоффманн, исполнительный директор Германо-российского форума:

Восприятие Михаила Горбачёва в Германии значительно изменилось за десятилетия, особенно после событий 2014 и 2022 годов. После объединения Германии, прежде всего в 1990-е гг., он считался архитектором единства и был провозглашён иконой мирных политических и общественных перемен в Европе. Однако растущая напряжённость между Западом и Россией и взвинчивание украинского конфликта заметно изменили отношение к Горбачёву, который, по мнению западных элит, недостаточно дистанцировался от российской власти в её критике расширения НАТО на восток.

В политическом и медийном пространстве воссоединение Германии всё чаще интерпретируют как результат усилий Запада, в частности США. Смена перспективы усугубляется приходом молодых поколений, которые не застали 1980-е и 1990-е гг. и не испытывают эмоциональной связи ни с Горбачёвым, ни с Россией. Для них он скорее историческая фигура, усилия которой по установлению мира в итоге потерпели крах из-за geopolитических амбиций Москвы. Тем не менее для старшего поколения он остаётся символом мирных перемен, связанных с восточной политикой Вилли Брандта и идеей «общего европейского дома».

Парадоксально и обидно, что Горбачёв даже в Германии потерял статус миротворца. Но он остаётся символом надежды, доказавшим, что мир в Европе возможен и Россия способна вносить в его укрепление значительный вклад. Его двойственное наследие отражает как потерянные надежды прошлого, так и вызовы для общего мирного будущего на континенте, которое без России невозможно.

Берtrand Ренувен, основатель и лидер Nouvelle Action Royaliste, французского роялистского движения, возникшего после раскола с Action Française, участник президентских выборов 1974 года. В начале 1990-х гг. занимался оценкой реформ в посткоммунистических странах и перспектив европейского единства:

Многие аналитики рассматривают дипломатические процессы через призму якобы объективных закономерностей, продиктованных историей, экономикой или национальной психологией. Общественности предлагают

упрощённые схемы, которые скрывают неопределённость процессов и неоднозначность их исходов. Зачастую такие концепции выдвигаются, чтобы перечеркнуть прежние догмы, столь же категорично утверждавшие прямо противоположное.

В 1970-е гг. французские интеллектуалы, перешедшие от ультралевых взглядов к правозащитной риторике, заявляли, что Советский Союз никогда не избавится от тоталитаризма, хотя после смерти Сталина тоталитаризм уже фактически сошёл на нет. Те же самые люди в 1991 г. провозгласили «победу Запада» над коммунизмом. Уверенные, что институты представительной демократии сами по себе обеспечат народам процветание, они подготовили почву для неолиберальных экономистов, навязавших новую версию «естественного хода вещей» – необратимый переход к рыночной экономике, который принесёт всеобщее благополучие после краха коллективистской системы.

А поскольку, как говорится, счастье не приходит в одиночку, провозгласили, что рынок и демократия сольются в едином процессе глобализации, который обеспечит человечеству вечное процветание.

Именно через эту призму – сочетание эмоций и идеологии – воспринимались реформы, начатые Михаилом Горбачёвым во второй половине 1980-х годов. Многие рассматривали его дипломатические инициативы сквозь привычные стереотипы – как очередную уловку «коварного коммунизма» и неисправимой коллективистской системы. Однако наряду с этим антисоветским скептицизмом существовала и другая точка зрения: искреннее восхищение Горбачёвым, которого чествовали как миротворца и великого реформатора. Окончание холодной войны, зафиксированное на мальтийском саммите в декабре 1989 г., либерализация советского режима, реформы в сельском хозяйстве, развитие мелкого частного бизнеса и реформирование государственных предприятий воспринимались как начало плавной трансформации общества, социальных норм и массового сознания.

Политический кризис 1991 г., распад Советского Союза, гиперинфляция, дефицит товаров и разгул экономической преступности рассматривались скорее как закономерные и неизбежные этапы перехода к демократии и рыночной экономике. Катастрофический характер этого перехода в 1992–1998 гг. практически не обсуждался во французском политическом истеблишменте, интеллектуальной среде и прессе.

Франция, как никакая другая западноевропейская страна, могла сыграть ключевую роль в переходе России к новой политической, экономической

и социальной системе. Французская академическая среда обладала глубокими знаниями о советской экономике, которые могли бы сыграть важную роль в её трансформации.

Вместо разрушения колLECTИВИСТСКОЙ экономики во имя иллюзорного «перехода к рынку» можно было выстроить промышленное и сельскохозяйственное производство в рамках смешанной модели, объединяющей государственный и частный секторы в едином проекте экономической реконструкции и социальной защиты. Такая система требовала сильной политической власти, способной ставить общественные интересы выше частных, а также независимой судебной системы и правоохранительных органов, защищённых от давления и коррупции.

Обладая богатым опытом государственного управления, Франция могла предложить модель смешанной экономики, которая успешно применялась после войны, когда государственные и частные предприятия сотрудничали в рамках индикативного планирования.

Такой подход позволил бы сохранить значительный государственный промышленный и коммерческий сектор, учитывая сложившиеся производственные связи, а также провести контролируемую приватизацию предприятий, не отвечающих критериям общественной полезности. Защита внутреннего рынка, контроль за движением капитала, стимулирующая экспорт денежно-кредитная политика и налоговые механизмы, направленные на инвестиции в производство и сохранение социальной защиты, поддержали бы сложный процесс перехода от колLECTИВИСТСКОЙ экономики к децентрализованной системе, сочетающей национальное развитие, свободную торговлю в частном секторе и социальную экономику – ключевой элемент французского опыта.

Западные элиты навязали постсоветским государствам две опасные иллюзии. Первая – вера в «переход к рынку» как естественное продолжение успеха неолиберализма на Западе, хотя в действительности государство всегда оставалось основным гарантом экономического роста и социальной стабильности. Вторая – иллюзия, что Европейский союз готов поделиться своим кажущимся процветанием с новыми членами и предложить государствам Российской, Центральноазиатской и кавказской периферии универсальную модель успешного развития.

Умалчивалось, что Европейский союз годами выстраивал сложную систему договоров и институтов управления, так и не сделав выбор между межправительственным сотрудничеством и наднациональным управлением,

между эффективной европейской интеграцией и подчинением Соединённым Штатам. Не упоминалось и о том, что благосостояние не будет распределено равномерно, а сохранится в большей степени у тех, кто уже его имеет, тогда как новые члены союза станут поставщиками дешёвой рабочей силы.

Флеминг Розе, главный редактор газеты Frihedsbrevet (Дания):

Самой важной характеристикой Горбачёва было то, что он в значительной степени отказался от применения силы против своих политических оппонентов, хотя были исключения: Грузия в 1989 г., Азербайджан в 1990 г. и Литва в 1991-м. Если бы он отправил Бориса Ельцина послом на Кубу в 1988-м вместо того, чтобы дать ему незначительный пост в Москве, многое потом выглядело бы иначе.

Новое политическое мышление было прекрасной идеей, но столь же наивной и утопичной, как и идеи коммунизма. То же относилось и к стремлению Горбачёва и значительной части российской элиты добиться признания Запада и включения в западное сообщество в качестве равноправного партнёра. Спустя сорок лет игра вокруг объединения Германии и вопрос о новом порядке европейской безопасности кажется центральными. Почему Горбачёв изменил свою позицию по вопросу о вхождении Германии в НАТО, не потребовав ничего принципиального взамен? От категорического «нет» объединённой Германии в НАТО к безоговорочному «да»? Много лет спустя советник Джорджа Буша-старшего по национальной безопасности Брент Скоукрофт всё ещё не понимал, почему Горбачёв не сделал канцлеру Германии Гельмуту Колю выгодное предложение о выводе всех советских войск в обмен на воссоединённую, но нейтральную Германию, что, по мнению Скоукрофта, поставило бы вопрос о присутствии американских войск в Европе и будущем НАТО.

Горбачёв размышлял о национальном вопросе, вспоминая Ленина, но в отличие от последнего, он считал этот вопрос положительно решённым в СССР. Это он утверждал в книге о перестройке и новом политическом мышлении, которую продиктовал летом 1987 года. Однако к распаду Советский Союз привёл именно национализм, в том числе и в России, где Борис Ельцин использовал либеральный национализм в борьбе с Горбачёвым и союзным центром. Если бы Горбачёв лучше понимал националистические механизмы, он, возможно, спас бы страну так же, как это сделал Ленин со своей

формулой «национальный по форме, социалистический по содержанию». Ленин был единственным лидером после Первой мировой войны, который смог собрать большую часть распавшейся империи в новое государственное образование.

Оглядываясь назад, уже не кажется, что распад Советского Союза и его экономический крах был совершенно неизбежным. У Горбачёва было довольно ограниченное понимание того, как работает рыночная экономика, и это определило реформы, которые в ряде областей оказались катастрофическими и только ускорили упадок.

Чжан Шухуа, профессор Института политических наук Академии общественных наук КНР, исполнительный президент Китайской ассоциации политологии:

В современном мире складывается сложная, запутанная ситуация. Международное сотрудничество находится в упадке, а соперничество и игра, в которой участвуют ведущие державы, всё более интенсивны. В то же время искусственный интеллект, биотехнологии и т.д. меняют человеческое общество. Мировая политика находится на перепутье истории: возобладают ли мир и сотрудничество или война и конфронтация? Наша планета подобна гигантскому кораблю, попавшему в шторм, и разумные государственные деятели – несомненно, ключевая сила, способная им управлять.

Разумные государственные деятели должны обладать чувством исторической миссии и глобальным видением, быть готовыми жертвовать личными и групповыми интересами. Им не следует ограничиваться узким кругом – необходимо обращаться к широким массам, заботиться о прогрессе всего мира и благополучии человечества.

Разумные государственные деятели призваны сделать мир краеугольным камнем своей работы и активно продвигать диалог и переговоры между странами. В международных спорах сила способна обеспечить временное сдерживание, но построить долгосрочный мир трудно.

Пламя израильско-палестинского конфликта бушует давно, унося бесчисленное число жизней и уничтожая дома. На данном этапе разумные государственные деятели должны отказаться от узкого геополитического мышления, отстаивать справедливость, строить коммуникационные мосты, призывать конфликтующие стороны отбросить ненависть и стремиться к ре-

шению ключевых проблем, таких как территориальные и религиозные споры, путём мирных переговоров. Посредством диалога нужно искать общие интересы, регулировать разногласия с помощью компромиссов и толерантности. Это позволит вселить надежду на мир и стабильность в регионе и даже во всём мире.

Приоритетное внимание разумные государственные деятели должны уделять развитию. Развитие – ключ к решению всех проблем. Содействие глобальному прогрессу должно стать важной миссией для разумных государственных деятелей. Осознавая растущий разрыв между Севером и Югом, а также по-прежнему острые проблемы бедности, голода и т.д., разумные государственные деятели должны сообща способствовать построению экономики открытого мира. Развитым странам пора взять на себя большую ответственности, обеспечить техническую и финансовую поддержку развивающимся, помочь им повысить качество инфраструктуры, образования и здравоохранения, сократить разрыв между богатыми и бедными, стремиться к всеобщему развитию и процветанию.

Разумным государственным деятелям также важно уважать различные культуры, продвигать обмены и взаимное обучение между цивилизациями. Разные страны и этнические группы обладают уникальной культурой и ценностями, которые в совокупности образуют блестательную галактику человеческой цивилизации. Необходимо ликвидировать культурные барьеры, содействовать обменам и стремиться к пониманию и доверию между этническими группами. Культурные различия – движущая сила взаимного обучения и всеобщего прогресса, а не источник конфликтов.

На постоянно меняющейся мировой арене разумные государственные деятели – защитники мира, сторонники развития и проводники цивилизации. Только руководствуясь рациональностью и ориентируясь на взаимовыгодное сотрудничество, мы выберемся из густого тумана и приведём мир к блестящему будущему.

Forty Years After: Personality and History (Part II)

| DOI: 10.31278/1810-6374-2025-23-3-106-124

Yuri Slezkine

Professor, Graduate School, UC Berkeley; Senior Research Fellow, St. Edmund Hall, University of Oxford

The economy was no longer competitive and increasingly dependent on imported technology; the ideology no longer legitimate and routinely lampooned by its captive consumers; the society (as measured by the rates of alcoholism and infant mortality and portrayed by an endless succession of jokes) not fully sentient and amused by its own confusion; some socialist republics not happy with the “friendship of the peoples” and ready for a bit of enmity (or friendship with other peoples); most urban intellectuals passionately devoted to the country’s geopolitical rivals (having transferred the dream of unlimited cargo from an unimaginable communism to an imaginary West); and the “Brezhnev generation” of party leaders dead, buried and ridiculed, with no legitimate heirs or a political testament.

Some reforms were going to happen no matter what; the rest was up to Gorbachev and what Tolstoy called “the conjunction of wills,” where “each cause or a combination of causes seem equally true when taken separately and equally false in their insignificance when compared to the enormity of the event.”

Whatever the combination of causes, it seems likely that any new Russian leadership, however constituted, would have tried to join the family of “normal” nations. There is little doubt that they would have been rebuffed.

Feng Shaolei

Head of the Centre for Russian Studies, East China Normal University

As a politician, Mikhail Gorbachev left two major impressions on the Chinese people. First, his extraordinary efforts to restore Sino-Soviet relations. Second, his ambitious push for comprehensive reform and improved relations with the West, which, unexpectedly, led to the disintegration of the Soviet Union. Clearly, it is not only the Chinese who continue to reflect on and seek answers to the historical implications of the “Gorbachev phenomenon,” as it remains a product of an era deeply intertwined with an entire generation.

Let us begin with the first point. In the early 1980s, both China and the Soviet Union gradually signaled goodwill and proposed specific steps to restore relations. At that time, China had already embarked on its reform and opening-up policy. In 1982, Deng Xiaoping expressed the hope that the Soviet Union would first ease tensions along the Sino-Soviet border. Gorbachev was one of the key Soviet figures advocating for the restoration of relations with China. He once remarked that the inertia of confrontation built over decades had shut down the possibility of turning things around. Any politician, diplomat, or scholar who attempts to ease tensions, even slightly, is almost immediately accused of betraying national interests. It requires a strong figure from “above” to push forward. After taking office, Gorbachev sought to improve Sino-Soviet relations. On 14 May 1989, as he boarded a plane to Beijing, he told his entourage: “We should conduct ourselves as young activists paying a visit to the elders.” Two days later, he met with Deng Xiaoping. According to Qian Qichen, who was overseeing China’s foreign affairs at the time, Gorbachev’s “historic mission in Beijing deserves to be recorded in bold and vivid strokes in the history of Sino-Soviet relations.”

While Gorbachev’s efforts to normalize Sino-Soviet relations allowed China to formally step into a new era of major-country diplomacy and gain widespread international recognition, his all-encompassing Soviet reforms in 1985, which ultimately resulted in the USSR’s dissolution, sparked immense controversy.

Historical records show that by the late 1970s and early 1980s, major global countries had all recognized the need for reform to drive development and improve governance. However, why did Gorbachev's reforms, once so highly anticipated, end in such regretful failure? Based on my own observations, several details stand out.

First, Gorbachev's book *Perestroika: New Thinking for Our Country and the World* was widely discussed at the time. It introduced the concept of "the common interests of humanity," inspiring many to pursue reform and openness. However, when I combed through the book, I could not find another crucial perspective that I was eager to see how he planned to safeguard Soviet national and ethnic interests while advancing global human interests.

On the surface, this appears to be a key difference between 1985 and 2025. Forty years ago, the world championed globalization and universal values, whereas today, the trend has shifted towards de-globalization and prioritizing national interests. However, in reality, whether then or now, balancing global interests with national and ethnic interests has always been necessary, only the emphasis has varied. For any major country navigating an era of transformation, focusing solely on one side inevitably leads to upheaval. This remains a critical issue for reconsideration, both then and today.

Second, while the Soviet Union was still intact and still exerted significant influence, particularly in its surrounding regions, Gorbachev complied with public sentiment and agreed to German reunification. This, in itself, was not a problem. However, despite securing verbal assurances from U.S. and European leaders that NATO "would not expand eastward by even an inch," he failed to obtain a formal written guarantee.

This oversight significantly contributed to today's series of bloody conflicts in the Eurasian region. Reflecting on the Cold War, people often recall an era of intense East-West confrontation. Equally important, however, is the historical fact that for over half a century, the East and the West maintained stability in Europe through geopolitical buffers. Understanding how historical memory can illuminate contemporary decision-making remains a topic of great interest.

Regardless of evaluations of Gorbachev's reforms, this deeply etched memory will endure. For later generations, it is relatively easy to identify the mistakes that led to failure by analyzing historical outcomes. But for those directly involved, making real-time judgments about trade-offs and striking the right balance is an immensely difficult challenge.

Vladimir Putin, Gorbachev's successor, holds very different political views. Yet, in his congratulatory message on Gorbachev's 91st birthday, Putin wrote: "You have lived a long and fulfilling life, and have rightfully earned great prestige and recognition. It is gratifying that your extensive efforts continue to contribute to society, education, charity, and international humanitarian cooperation." I do not believe that Putin's positive remarks were merely a diplomatic courtesy to a former Soviet leader. In fact, a core aspect of Gorbachev's reforms, launched in 1985, was the determined effort to end Cold War confrontation, eliminate the threat of nuclear deterrence, and dismantle the rigid centralization of power. Therefore, the failure of these reforms should not be attributed to their original intent being flawed. The real regret is that Gorbachev was unable to find a path to successfully achieving his reform goals. This is a lesson that must be remembered.

On the other hand, the atmosphere of the time also played a role. Many, driven by an almost radical determination, were willing to pursue changes despite knowing immense costs. As a result, although the Cold War ended, traditional structures were dismantled, and nuclear deterrence was reduced, the question remains whether the progress achieved justifies the price paid and how sustainable these so-called advancements were. Looking at the past forty years, the world has reversed course in many ways: from prioritizing efficiency back to prioritizing equality, from globalization back to national self-interest, and from peaceful coexistence back to an adversarial mindset. Given these shifts, the resurgence of conservatism seems almost inevitable. It is an invaluable lesson from that period.

Thought-provokingly, in the late 1980s, Immanuel Wallerstein warned: "We are witnessing a period in which the meanings drawn from the events of 1989 are being hastily and severely distorted." He pointed out that while the former communist world was rapidly replacing planned economies with markets, the West mistakenly interpreted this as a victory

for Wilsonian liberalism and the failure of Leninism. Wallerstein cautioned that the end of the Cold War and the Soviet Union's collapse also marked the decline of American hegemony. According to his logic, in the early 19th century, Russia helped Britain defeat France, allowing Britain to become the dominant global power. In the 20th century, the Soviet Union helped the U.S. defeat Germany, leading to its own rise alongside the U.S. Therefore, the sudden demise of such a powerful Soviet Union was not merely the disintegration of a single empire but the result of profound shifts in the global system. Furthermore, since the Cold War was built upon a U.S.-Soviet dichotomy, the disappearance of one meant the other could no longer sustain its original role. Today, while the U.S. has not collapsed, it is clearly struggling to maintain its hegemonic position. At the same time, though the Soviet Union is gone, Russia is rising from the ashes. Wallerstein's world-system logic did not fully materialize, but it remains a warning worth remembering for the future.

This is the third critical lessons from the Gorbachev era.

At an international conference in Istanbul in late 2011, I had the privilege of meeting Gorbachev for a long and unforgettable conversation. He was no longer the vigorous leader I had seen daily on Soviet television during my studies there in the mid-1980s. The years had left their mark, and his thoughts were profound and reflective. He spoke of the deep loneliness after his wife Raisa's passing, which is why the memoir he gifted me was titled *Alone with Myself*. He remained deeply concerned about his country and the unrest in the Middle East at the time. But above all, he repeatedly expressed admiration for China and its achievements. At the conference, he repeatedly and publicly expressed his approval of China's achievements in development and diplomacy. He said: "Despite its accomplishments, China has remained particularly humble and cautious." What left a deep impression was Gorbachev's lingering attachment to China after his sole visit in 1989. He said: "How I wish I could have another opportunity to visit China, to go to Beijing and Shanghai once more, and see with my own eyes the changes that have taken place there." Regrettably, I was unable to help him fulfill his last wish of revisiting China. Yet I firmly believe that the friendship and cooperation he once fostered between two great neighbors will endure for generations to come.

Seyed Mohammad Marandi

Professor, University of Tehran

Mikhail Gorbachev's appointment as General Secretary of the Soviet Communist Party marked a pivotal moment that set the stage for transformative changes in the USSR and the world. While the conditions for change had long existed, Gorbachev's policies of *perestroika* (restructuring) and *glasnost* (openness) accelerated the process, ultimately leading to the collapse of the Soviet Union. These reforms, rooted in a new political thinking, aimed to modernize the Soviet system and reduce Cold War tensions. However, their outcomes were far more profound than anticipated, reshaping global geopolitics. From today's perspective, Gorbachev's era raises questions about what was historically inevitable and what could have been altered under different leadership or alternative decisions.

In Iran, Gorbachev's reforms resonated with political circles, as concepts like restructuring and openness were familiar following the 1979 Islamic Revolution. Although the Soviet Union had been viewed negatively, Gorbachev's tenure saw a gradual improvement in Soviet-Iranian relations. However, the USSR's collapse evoked mixed feelings in Iran. While most Iranians opposed communist rule, there was a widespread belief that the U.S. exploited *perestroika* and *glasnost* to infiltrate and undermine the Soviet Union. This perception fueled fears of similar U.S. interference in Iranian politics, shaping a cautious and often critical view of Gorbachev's legacy.

Today, Gorbachev's name is frequently invoked in Iranian political discourse as a cautionary tale. When a politician is deemed naive in dealings with the West, he is compared to Gorbachev, suggesting that well-intentioned reforms could inadvertently weaken national sovereignty through Western-backed actors in civil society and media. This reflects a broader concern about the unintended consequences of political openness and restructuring, underscoring the complex and enduring impact of Gorbachev's era on Iranian political discourse.

Robert Legvold

*Professor Emeritus, Department of Political Science, Columbia University,
New York, USA*

In March 1986, my Columbia colleague, Seweryn Bialer, and I organized a meeting with a dozen of our country's leading Soviet specialists to assess what had just happened at the 27th CPSU Congress. Most of those attending noted that Mikhail Gorbachev seemed aware of the Soviet Union's mounting failures, including the "bleeding wound" that was Afghanistan, but they anticipated that his response would be muted and constrained by what the traffic would bear. The boldest among the group, Jerry Hough, predicted that Gorbachev might be another Janos Kadar. We were hardly the only people, including many in his own country, who underestimated the historic change that Gorbachev would bring.

Putting that historic change in perspective, however, is difficult, because it fell short of its goals, and the assumptions on which it was based were often faulty. There may be another reason that *post facto* judgments tend to favor the negative side of the story: three decades after this historic interlude, the change that it wrought has largely disappeared, making it seem like something of a historical mirage. Eventually, however, historians, in particular Russian historians, will likely come to see Gorbachev's seven years in power as one of the most striking periods in Russia's millennial history, more so, if it turns out to be a forerunner of a path to which, at some point, Russia returns.

If judged by the break from what existed before, the change Gorbachev brought was extraordinary. His recognition that something was seriously wrong with the system traced back, at least, to the conversations he had with Alexander Yakovlev in 1983 in Canada where Yakovlev was serving as ambassador. The reform he embraced, however, took shape slowly. The campaign for *uskorenie* [acceleration—Ed.] in 1986 was not yet *perestroika*, but it was a step towards freeing the economy and society from the dead weight of a sclerotic Soviet bureaucracy. The impulse behind the reform's fuller form—*perestroika*—was more revolutionary. Gorbachev, as his other *shestidesyatniki* [free-minded people of the 1960s—Ed.] allies, sought to

return the Soviet system to what they saw as its Leninist ideals, in effect, to “socialism with a human face,” a system open to democracy, to respect for the individual, and to basic freedoms.

Its fundamental objective—to restore vitality to the system—was its fundamental vulnerability—the failure to see that the system was fatally flawed and beyond saving. This, however, did not diminish the transformation of political life that it ushered in. The euphoria unleashed by the release from the stale and stifling existence under Gorbachev’s predecessors echoed in each new taste of freedom: in the audience reaction to Tengiz Abuladze’s film *Pokayanie*, when it opened in theaters in the fall of 1986; when people queued at 5:00 am on Wednesdays to get a copy of the *Moskovskie Novosti* weekly before it sold out, so that they could indulge something that looked like free speech in a no-longer controlled press; in 1989, when they stayed home from work, glued to their TVs to watch the workings of the newly elected Congress of People’s Deputies. By 1990, however, the euphoria had dimmed as store shelves emptied and Gorbachev’s readiness to take the next necessary steps in economic reform expired. That in the end Gorbachev’s appetite for economic reform—or capacity to implement it—hit a wall should not obscure one vital transformation that happened during those years: the population’s loss of fear. By 1987, writers, artists, journalists, academics, institute specialists, and even politicians, then and for the decade and a half after the collapse of the Soviet Union, no longer feared the consequences of speaking their minds, acting according to their conscience, and attempting to organize support for their political ideas.

Nor should the disappointing final chapter of those seven years diminish the extraordinary effect where his aspirations for change at home blended with his radically different approach to the world outside. Although few recognized it at the time, Gorbachev’s determination to lift the shackles of the calcified Soviet system led to his toleration of freedom elsewhere—to the “freedom of choice” that he said should exist within Eastern European countries. Overnight he cast aside the justification for the Soviet interventions in 1956, 1968, and more haltingly in 1979. He did this on a misconception parallel to that underpinning *perestroika*, namely, that opening the system would *restore its popular legitimacy*.

Similarly, his notion of a “common European home” rested on a misconception—in this case, that the home would have a vital socialist apartment alongside a capitalist counterpart—but it carried the seeds of a still bigger and more transformative idea. Presumably what he had in mind was something akin to the ill-fated effort to build a Euro-Atlantic security community that U.S., European, and Russian leaders regularly pledged to pursue over the two decades after the Cold War.

His truly fundamental break with the past, however, was abandoning the core principle guiding Soviet foreign policy, a “class approach” to the world outside, a world reduced to an elemental “class struggle.” As I wrote at the time, Gorbachev “set aside the holiest of Soviet foreign policy concepts, the notion that the most elemental dynamic of international politics resides in the tension between two historical social orders—socialism and capitalism.” In its place he substituted the notion of universal values and the interdependence of nations.

The implications of this historic about-face were extraordinarily practical. They upended the fundamental thrust of Soviet foreign policy. Soviet interventions on behalf of “national liberation movements” ended, and over-extended commitments to distant struggles were reeled back. Collective responses to global problems were stressed over the threats posed by potential adversaries. Violence was eschewed both as a tool for dealing with domestic discontent and a method for keeping intact the Soviet Union’s control over the fraying Warsaw Pact.

Most important, the notion articulated by Gorbachev in late 1985 that Soviet national security depended on mutual security with the other side sent the U.S.-Soviet relationship in a fundamentally different direction.

Early in Gorbachev’s tenure, the Carnegie Corporation of New York foundation, sensing that his arrival portended something new, organized what would become regular conferences for U.S. senators and congressional representatives to learn about and judge the change taking place. At the outset, many among the parliamentarians asked, “Is it in our interest for Gorbachev to succeed?” The obvious assumption behind the question was that success would produce a stronger and more formidable adversary. For my part, when I was invited to speak, my answer was that that depended on how Soviet policy towards the United States evolved in the process.

The “fundamentally different direction” that followed rewrote the script. The United States turned from the enemy into the sought-after partner in backing *perestroika*. It would have been hard to envisage Brezhnev attending a meeting of the G7, as Gorbachev did in June 1991, appealing for the aid needed to create a market economy in the Soviet Union. Still more dramatic, Gorbachev, shaken by the Chernobyl catastrophe, joined Ronald Reagan in a lofty, albeit misconceived, bid to remove the scourge of nuclear weapons from the relationship. The nuclear arms control process had begun sixteen years before Gorbachev arrived in office, but never before, nor ever again, would the effort have the ultimate impulse driving Gorbachev’s commitment, until the whole effort died in our day.

As Gorbachev together with Ronald Reagan and then George H. W. Bush gradually thawed the ice-bound areas of the relationship and focused on expanding cooperation, a distinctly new and, alas, perishable phenomenon emerged. They came to trust one another. At a 1996 Princeton conference, Anatoly Chernyaev said: “I have notes that were taken during the discussions [at the 1989 Malta summit] between Gorbachev and Bush and Gorbachev and Baker that really prove that there was a human rapport among them, that Gorbachev actually in a personal way trusted those people. And it was my impression that they reciprocated.” Forty years later trust between the leaders of Russia and the United States is zero.

And forty years later, when reflecting on Gorbachev’s legacy, many would agree with Russian-Estonian literary scholar Yuri Lotman’s insight “that in Russia the most radical changes, despite appearances, actually reinforce the traditions of the society they are meant to change.” Forty years from now, however, might that legacy have come to have a deeper resonance defying this lament?

Aleksandar Raković

Research Fellow, Institute for Recent History of Serbia

Before the end of the Cold War, the citizens of the Soviet Union became eager for the standards and alleged civil liberties offered by the West.

Moreover, the West had a much more humane face at that time than now, because the two opposing ideological blocs were correctives to each other. However, immediately after the fall of the Berlin Wall, the West demonstrated a completely different policy of expansionism towards Eastern Europe, with the intention of reaching out to Russia and breaking it into at least three parts. The struggle of the Serbian people against the West and NATO during the 1990s prevented an immediate campaign by the West against Russia, which was disoriented after the self-disintegration of the Soviet Union.

From today's perspective, *perestroika* was a well-intentioned process that was supposed to grant greater freedoms to the citizens of the Soviet Union from within, while connecting them with parts of the world that had previously been "forbidden fruit." However, also from today's perspective, *perestroika* was a naive and misguided process that led to the Soviet Union's self-destruction and the loss of the wall of states that protected official Moscow from Western imperialism. Also, *perestroika* led to decentralization and fragmentation of the Russian Orthodox Church according to the newly established borders.

The collapse of the Soviet empire, in which generations were raised, was bound to lead to a decline in self-confidence and a prolonged search for a new state support. At the same time, tens of millions of Russians remained outside the borders of the Russian Federation, and Russia received no guarantees for their future. Today's Russia is trying to repair the consequences of *perestroika*.

The beginning of *perestroika* was welcomed in socialist Yugoslavia with the hope that Soviet socialism was moving towards openness, like the Yugoslav socialism. At the same time, the thawing of East-West relations also suited Yugoslavia. However, as the end of Yugoslavia approached, it was obvious to the Serbs that because of *perestroika* and its consequence—the dissolution of the Soviet Union—Moscow would not be able to focus on the Balkans and that the Serbs would be left alone.

Xiang Lanxin

Visiting Scholar, Belfer Center, Harvard University; Distinguished Fellow, Stimson Center, USA

Gorbachev's policies, particularly *perestroika*, led to instability and the eventual collapse of the Soviet Union. His policies reflected a misguided belief that ending the Cold War would make the Soviet Union great again. But Gorbachev voluntarily accepted the defeat in the Cold War, so the original foundation of the political union based on ethnically dominated republics could hardly exist. More importantly, Russians had no experience in governing a state without a multi-ethnic imperial structure. Dean Acheson made a famous critique of the fundamental problem faced by post-imperial Britain: "Britain has lost an empire, but not yet found a role." We can say: "Russia has lost an empire, now it must learn how to run a Russian state."

Not surprisingly, Vladimir Putin sees the Soviet Union's collapse as a tragedy, which he associates with Gorbachev's leadership. For Putin, the geopolitical impact is obvious: Gorbachev weakened Russians' national pride and Russia's global standing. He did not even repair the relationship with the West, which *perestroika* was aimed to do, and his "common European home" turned out to be a fantasy. Chinese leader Xi Jinping, a keen supporter of Putin's narrative about Gorbachev, went even further speaking of the Soviet leadership under Gorbachev: the collapse of the Soviet communist system was brought about by "a bunch of guys with no balls."

Glenn Diesen

Professor, University of South-Eastern Norway

Gorbachev's efforts to reform the stagnant Soviet Union and end confrontational bloc politics were necessary and commendable. A bipolar international distribution of power consisting of two rival military blocs with two incompatible ideologies in a struggle for global primacy unavoidably produced extremely destructive zero-sum politics. However, idealists' desire

to overcome power politics often results in neglecting power. Gorbachev unleashed nationalist forces that unraveled the Soviet Union and ignored the balance of power required to construct a “common European home.”

When there is a balance of power, a zero-sum struggle for relative power can be replaced with mutually beneficial cooperation to enhance indivisible security, as constraints are accepted when there is an expectation of reciprocity. Gorbachev’s unilateral concessions, weakening, and eventual demise of the Soviet Union eliminated the balance of power and thus the need to accommodate Moscow’s security interests. A different outcome would have been possible if Gorbachev’s idealism had been built on the foundation of the realities of power. Ending the Cold War with unilateral concessions resulted in capitulation. In 1990, Under-Secretary of Defense Paul Wolfowitz concluded: “With the end of the Cold War, we can now use our military with impunity. The Soviets won’t come in to block us. And we’ve got five, maybe 10, years to clean up these old Soviet surrogate regimes like Iraq and Syria before the next superpower emerges to challenge us.”

Instead of preserving the power parity required to obtain binding commitments to construct an inclusive European security architecture, the declining strategic balance allowed Washington to develop a new Europe without Russians. As NATO now has exhausted itself and new centers of power rise, a new balance of power is emerging again. Russia should also learn from the mistakes of its adversaries by aspiring to construct a Westphalian international system based on a balance of power that aims at mitigating security competition rather than defeating its adversaries.

Martin Hoffmann

CEO, German-Russian Forum

The perception of Mikhail Gorbachev in Germany has changed significantly over the past decades, especially after the events of 2014 and 2022. Immediately after the unification of Germany, primarily in the 1990s, he was considered the architect of unity and an icon of peaceful political and social change in Europe. However, the mounting tensions between the

West and Russia and the escalation of the Ukraine conflict have noticeably changed the attitude towards Gorbachev, who, according to Western elites, did not distance himself enough from the Russian authorities' criticism of NATO's eastward expansion.

In the political domain and the media, Germany's reunification is increasingly interpreted as the result of Western efforts, particularly of the United States. The change of perspective is exacerbated by the change of generations who did not live through the 1980s and 1990s and therefore have no emotional connection with either Gorbachev or Russia. For them, he is rather a historical figure, whose efforts to establish peace eventually failed due to Moscow's geopolitical ambitions. Nevertheless, for the older generation, he remains a symbol of peaceful change associated with Willy Brandt's eastern policy and the idea of a "common European home."

It is paradoxical and frustrating that even in Germany Gorbachev has lost the status of a peacemaker. But he remains a symbol of hope, who proved that peace in Europe is possible, and Russia can make a significant contribution to its strengthening. His dual legacy reflects both the lost hopes of the past and the challenges for a shared peaceful future in the continent that is impossible without Russia.

Bertrand Renouvin

Founder and President of Nouvelle Action Royaliste, a royalist political movement that emerged after the split with Action Française; a presidential nominee in the 1974 election

Many analysts view diplomatic processes through the lens of supposedly objective patterns dictated by history, the economy, or national mentality. The public is offered simplified schemes that hide the uncertainty of processes and the ambiguity of their outcomes. Such concepts are often put forward in order to scrap previous dogmas that asserted the exact opposite just as categorically.

In the 1970s, French intellectuals, who had switched from ultra-left views to human rights rhetoric, stated that the Soviet Union would never

get rid of totalitarianism, although totalitarianism had actually come to an end after Stalin's death. The same people, in 1991, proclaimed the "West's victory" over communism. Confident that the institutions of representative democracy alone would give people prosperity, they set the stage for neoliberal economists to impose a new version of the "natural order of things"—an irreversible transition to a market economy that would bring universal prosperity after the collapse of the collectivist system.

But since happiness never comes alone, they proclaimed that the market and democracy would merge into a single process of globalization, which would bring eternal prosperity to humanity.

It was through this lens—a combination of emotions and ideology—that the reforms launched by Mikhail Gorbachev in the second half of the 1980s were perceived. Many viewed his diplomatic initiatives through familiar stereotypes as yet another trick of "insidious communism" and an incorrigible collectivist system. However, along with this anti-Soviet skepticism, there was another point of view: sincere admiration for Gorbachev, who was honored as a peacemaker and a great reformer. The end of the Cold War, declared at the Malta summit in December 1989, the liberalization of the Soviet regime, reforms in agriculture, the development of small business, and the reorganization of state-owned enterprises were seen as the beginning of a smooth transformation of society, social norms and mass consciousness.

The political crisis of 1991, the collapse of the Soviet Union, hyperinflation, shortages of goods, and rampant economic crime were seen rather as natural and inevitable stages of the transition to democracy and a market economy. The catastrophic nature of this transition in 1992–1998 was practically not discussed by the French political establishment, intellectuals, or the press.

France, like no other Western European country, could have played a key role in Russia's transition to a new political, economic and social system. French academia had a deep knowledge of the Soviet economy, which could have played an important role in its transformation.

Instead of destroying the collectivist economy in the name of illusory "transition to a market system," it was possible to build a mixed model of

industrial and agricultural production that combines the public and private sectors within one project of economic reconstruction and social welfare. Such a system required strong political power capable of putting public interests above private ones, as well as an independent judiciary and law enforcement agencies immune to pressure and corruption.

With a wealth of experience in public administration, France was able to offer a mixed economy model that was successfully used after the war, when public and private enterprises collaborated as part of the indicative planning mechanism.

Such an approach would have allowed preserving a significant state-run industrial and commercial sector with the established production ties, as well as to carry out controlled privatization of enterprises that did not meet public utility criteria. Domestic market protection, capital controls, export-friendly monetary policy, and tax mechanisms aimed at investing in production and preserving social welfare benefits would have supported the complex transition from a collectivist economy to a decentralized system combining national development, free trade in the private sector, and the social economy—a key element of the French experience.

But Western elites imposed two dangerous illusions on the post-Soviet states. The first one is the belief in a “transition to a market economy” as a natural continuation of successful neoliberalism in the West, although in reality the state has always remained the main guarantor of economic growth and social stability. The second one is the illusion that the European Union is ready to share its seeming prosperity with new members and offer the states of the Russian, Central Asian, and Caucasian periphery a universal model of successful development.

No one ever said that the European Union had spent years to build a complex system of treaties and governance institutions but had not made a choice between intergovernmental cooperation and supranational governance, between effective European integration and subordination to the United States. Also, no one said that prosperity would not be distributed evenly but would largely be retained by those who already enjoyed it, while new EU members would supply cheap labor.

Fleming Rose

Editor-in-Chief, Frihedsbrevet, Denmark

Gorbachev's most important contribution to Russia's political history was that he largely renounced the use of force against his political opponents—the exceptions being Georgia in 1989, Azerbaijan in 1990, and Lithuania in 1991. If Gorbachev had sent Boris Yeltsin to Cuba as ambassador instead of giving him an insignificant post in Moscow in 1988, much would have been different.

Gorbachev's 'new political thinking' was a beautiful idea, but as naive and utopian as communism. The same was true of Gorbachev and large parts of the Russian elite's ambition to be recognized by and included in the West as an equal partner. At a distance of 40 years, the process around German reunification and the question of a new European security order appears central. Why did Gorbachev change his position on a unified Germany in NATO in the space of four weeks in May 1990 without demanding anything fundamental in return? From a categorical 'no' to a unified Germany in NATO to an unconditional 'yes'? Many years later, George H. W. Bush's national security adviser Brent Scowcroft still did not understand why Gorbachev had not offered German Chancellor Helmut Kohl to withdraw all Soviet troops in exchange for a reunited but neutral Germany, which, according to Scowcroft, would have raised the question of the presence of American troops in Europe and the future of NATO.

Gorbachev saw Lenin as a role model, but unlike Lenin he did not understand the importance of nationalism. In his book on *perestroika* and the new political thinking, which Gorbachev dictated in the summer of 1987, he stated that the national question in the Soviet Union had been resolved, but nationalism was precisely the engine that drove the dissolution of the Soviet Union, also in Russia, where Boris Yeltsin instrumentalized a liberal nationalism in the fight against Gorbachev and the Soviet center of power. If Gorbachev had had a better understanding of nationalism, he might have been able to save the Soviet Union in the same way that Lenin did with his formula "national in form, socialist in content," because in this way Lenin, as the only state leader after the First World War, was able to gather most of a dissolved empire into a new state formation.

From a distance, the dissolution of the Soviet Union and its economic collapse did not seem as inevitable as it did in 1991. Gorbachev had a limited understanding of how a market economy works, and this affected his reforms, which in several areas proved disastrous and accelerated the decline.

Zhang Shuhua

President of the Institute of Political Science, Chinese Academy of Social Sciences; Executive President of the Chinese Political Science Association

Gorbachev's dire efforts to end confrontational bloc politics put an end to the Cold War, but did this relieve the world of contentions and imbalances?

In today's world, the political situation is complex and intricate. International cooperation is on the decline, while the competition and game—playing among major powers—are becoming increasingly intense. At the same time, artificial intelligence, biotechnology, etc., are transforming the face of human society. World politics stands at a crossroads of history: Will there be peace and cooperation, or war and confrontation? The world today is like a giant ship tossed around in a tempestuous storm, and rational statesmen are undoubtedly the key force to steer its course.

Rational statesmen should have a sense of historical mission and a global perspective, foregoing personal and sectional interests. They should step out of narrow circles, reach out to the people, and care about the progress of the world and the well-being of humanity.

Rational statesmen should take peace as a cornerstone and actively promote dialogue and negotiation among countries around the world. In international disputes, force may bring short-term deterrence, but it cannot build lasting peace.

The flames of the Israel-Palestine conflict have been raging continuously, with countless lives lost and homes destroyed. At this moment, rational statesmen should abandon narrow geopolitical thinking, uphold fairness and justice, build communication bridges, and urge both sides to put aside their hatred and resolve core issues such as territorial disputes and religious conflicts through peaceful negotiations. Through

dialogue, they should explore common interests and resolve differences by compromise and tolerance, injecting hope into the peace and stability of the region and even the world.

Rational statesmen should prioritize development. Development is the master key to solving all problems. Rational statesmen need to take promoting global development as an important mission. Faced with the widening gap between the North and the South, and the still severe problems of poverty, hunger, etc., statesmen should work together to promote the building of an open world economy. Developed countries should assume more responsibilities, provide developing countries with technical and financial support, help them improve infrastructure, education, and medical care, narrow the gap between the rich and the poor, and achieve common development and prosperity.

It is also a must-do for rational statesmen to respect diverse cultures and advocate exchanges and mutual learning among civilizations. Different countries and ethnic groups have unique cultures and values, which together form the brilliant galaxy of human civilization. Statesmen should break down cultural barriers, encourage cultural exchanges, and enhance understanding and trust among different ethnic groups, making cultural differences a driving force for mutual learning and common progress rather than a source of conflict.

On the ever-changing world stage, rational statesmen are defenders of peace, promoters of development, and facilitators of civilization. Only by being guided by rationality and aiming at win-win cooperation can we break through the thick fog and lead the world towards a bright future.